

ДЭНИЕЛ ЭВЕРЕТТ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ¹

П. С. Дронов²

Исследуются взгляды американского лингвиста Д. Эверетта на материале его программных произведений «Не спи – кругом змеи!» и «Язык как орудие культуры». Цель статьи – проследить и проанализировать связь этих работ с различными научными школами и выявить их отношение к лингвокультурологии. Определения языка и культуры, данные Эвереттом, сопоставляются со взглядами представителей различных школ и течений в лингвистике. Интересной особенностью является то, что в работах Эверетта почти не употребляется термин «языковая картина мира», однако анализ богатого эмпирического материала, представленный им, по сути, раскрывает тему языковой картины мира и выражает точку зрения, близкую позициям А. Вежбицкой и В.Н. Телия. В конце статьи Д. Эверетт сравнивается с Э. Бенвенистом: подобно последнему, не будучи явным приверженцем какой-либо научной школы, он дает подробное описание идей и взглядов в современной лингвистике.

Ключевые слова: Дэниел Эверетт, лингвокультурология, языковая картина мира, язык как орудие культуры.

В своих академических и научно-популярных работах Дэниел Эверетт, заведующий кафедрой лингвистики Университета штата Иллинойс, постоянно поднимает вопрос связи языка и культуры (см. [12–14]). Мы рассматриваем его взгляды, прежде всего, на материале двух программных произведений: «Не спи – кругом змеи!» и «Язык как орудие культуры» (*Language: The Cultural Tool*). Последняя работа пока не переведена на русский язык.

Тема данной статьи – выявить точки соприкосновения идей Д. Эверетта с лингвокультурологией.

Сам Эверетт признает, что до своего знакомства с пираха, или пирахан (*Pirahã*), единственным оставшимся языком из семьи мура, на котором говорят около 300 человек, живущих по берегам реки Маиси в бассейне Амазонки, – он был, скорее, сторонником идей Н. Хомского и его последователей-генеративистов (Р. Джекендоффа, У.Т. Фитча и др.). Как известно, одним из постулатов генеративной грамматики является наличие двух структур, определяющих язык, – поверхностной (грамматики отдельных языков) и глубокой (базовый компонент, общий для всех языков). Ядром базового компонента выступает рекурсивный механизм:

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

² Институт языкознания РАН,
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1.
doi: 10.5922/2225-5346-2017-3-5

Поступила в редакцию 15.09.2017 г.

© Дронов П. С., 2017

Эти структуры порождаются при помощи рекурсивной процедуры, которая служит опосредующим звеном в установлении соответствий между речевыми формами или формами, соотносенными со знаковыми образованиями, и значениями, включающими в себя семантику слов и предложений, а также определяет, как они должны быть расположены и интерпретированы в дискурсе (These structures are generated by a recursive procedure that mediates the mapping between speech- or sign-based forms and meanings, including semantics of words and sentences and how they are situated and interpreted in discourse) [15, p. 2].

Рекурсия при этом объявляется единственным уникальным свойством человеческого языка, поэтому говорится о языке в узком смысле (рекурсивный механизм) и языке в широком смысле (прочие аспекты языка). Эверетт, как известно, уже в первых своих работах постулировал отсутствие рекурсии по крайней мере в одном языке — пираха, а также начал писать о культурных ограничениях на грамматику этого языка. В данной статье мы рассмотрим его идеи о связи языка и культуры (в сепировском смысле, то есть как социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни сообщества или этноса)³.

Краткая справка об истории вопроса. Идея о связи языка и культуры имеет давнюю историю: еще в XVIII веке И. Г. Гердер писал о взаимосвязи четырех фундаментальных явлений, характерных для человека — языка, культуры, общества и «национального духа» [4]. О зависимости мышления от конкретного языка писал В. фон Гумбольдт [16, S. 2]. Позднее связью языка и культуры, их взаимовлиянием занимались братья Гримм, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Г. О. Винокур, которому принадлежат слова: «Язык есть условие и продукт человеческой культуры» [3, с. 209]⁴. В XX веке ее продолжали исследовать неогумбольдтианцы (Л. Вайсбергер, Й. Трир, В. Порциг, Г. Ипсен и др.), этнолингвисты (прежде всего, Э. Сепир и Б. Л. Уорф), представители лингвокультурологических направлений (например, школа В. Н. Телия во фразеологии — М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков, И. В. Зыкова и др.). На основе идей гумбольдтианства и этнолингвистики появилось понятие языковой картины мира (Л. Вайсбергер, Ю. Д. Апресян, А. Вежбицка и др.). В трактовке Ю. Д. Апресяна языковая картина мира может быть определена следующим образом:

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть

³ Вспомним остроумное замечание Д. Эверетта о том, что лингвисты преимущественно говорят друг с другом о лингвистике и лингвистах, а философы — о философии, философах и вине.

⁴ Ср. также триаду Клода Леви-Строса: «Язык — часть культуры, ее продукт и ее основание» (цит. по [11, разд. I]).

мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т. д. [5].

Основные положения лингвокультурологии перечислены в работах [7; 8; 10].

Взгляды Д. Эверетта на язык и культуру. О взглядах автора можно судить уже по структуре его книг. Типичная глава в «Не спи — кругом змеи!» состоит из следующих разделов:

- введение: история из жизни автора, содержащая наблюдения за языком и культурой, например, индейцев и определенную мораль;
- основная часть: теоретические положения, дополняющие предыдущий раздел и содержащие примеры из языков Южной и Северной Америки (пираха, суя, чероки и т. д.) с параллелями в английском (реже — прочих индоевропейских) языках;
- заключение: повторение названных выше постулатов в краткой форме.

В книге «Язык как орудие культуры» Эверетт начинает отходить от этой модели: в начале главы он задает общетеоретический вопрос («Что есть язык?», «Есть ли определенный ген языка?», «Существуют ли языковые универсалии?» и т. д.), перечисляет основные точки зрения и начинает последовательно критиковать те из них, которые постулируют Н. Хомский, С. Пинкер и У. Т. Фитч. Эверетт не приемлет самой концепции нативизма, языка как инстинкта (по Пинкеру). К примеру, в главе «У Платона проблемы? / Есть ли у Платона задача?» (*Does Plato Have a Problem?* — аллюзия на геометрическую задачу, которую в диалоге Платона «Менон» Сократ дает мальчику-рабу, чтобы доказать, что всякое знание на самом деле есть воспоминание (др.-греч. — ἀνάμνησις) из прежней, потусторонней жизни души) он подробно рассматривает работы, посвященные гену FOXP2 и его мутациям у британской семьи KE (фамилия не раскрывается из этических соображений), приводящим к вербальной диспраксии. Эверетт пишет о том, что этот ген не может быть назван «геном языка» или «геном грамматики», поскольку его мутации вели не только к патологиям речи, но и к когнитивным расстройствам. В следующей главе, «Универсалии и компетенции» (*Universals and Faculties*), он, говоря об аргументации генеративистов, не без издевки вспоминает старый американский анекдот о двух протестантах — буквалисте и либерале⁵. Интересно,

⁵ Протестант-буквалист стоит на улице и кричит:

— Слава Богу! Аллилуйя! Слава Богу! Аллилуйя!

Мимо проходит представитель либерального протестантизма (*liberal theology*):

— Зачем ты кричишь «аллилуйя»?

— Я прочитал в Библии, что Господь спас Моисея и народ Израилев, проведя их по Черному морю, и утопил в этом море фараона и его войско!

что, критикуя генеративистов, он продолжает пользоваться их терминологией, в том числе в словообразовании или синтаксисе, например употребляет термин *cranberry morph* — обозначение морфемы в составе композита, утратившей исходную форму и лишенной денотата (*cran-* в *cranberry*), а также уникального компонента в составе идиомы наподобие *лясы в лясы точить* (фразеологического единства по В. В. Виноградову).

Выше было упомянуто название главы «Универсалии и компетенции». Эверетт не только не приемлет компетенции (по его выражению, «человек — не зеленая мартышка»), но и отрицает сам факт наличия языковых универсалий: для него есть только тенденции (например, тенденция к следованию темы за ремой, преобладание порядка слов SOV и SVO в языках мира). Формула Эверетта: Когниция + Культура + Коммуникация = Язык (The formula that summarizes my own concept of language is: Cognition + Culture + Communication = Language) [14, с. 28]. Он расшифровывает ее так:

Всякий нормальный человек обладает головным мозгом, является членом общества с какими-либо ценностями и испытывает потребность в общении, и при соединении этих трех факторов появляется язык. Коммуникация отвечает за постановку задачи. Мозг эту задачу решает. Но не стоит забывать, что эту коммуникативную задачу индивиды не обязаны решать «с нуля». Один из плюсов принадлежности к человеческому обществу, общине — необходимость учить язык, который для нас разработали другие. Наш мозг готов учить язык, потому что за тысячи лет эволюции человека и истории языка человек и язык стали друг другу «впору». То есть на протяжении сотен или тысяч лет ценности любого общества позволяли ему подгонять язык под свои нужды» (Each normal human being has a brain, belongs to a community with values, and needs to communicate, and the confluence of these states results in language. Communication sets up a problem to be solved. Our brains solve it. But let us not forget that this communication problem does not need to be solved *ex nihilo* by each individual. Part of the benefit of belonging to a community is having a language to learn, one that others have developed for us. Our brains are up to this learning task because, through thousands of years of human evolution and the history of language, language and humans have grown to fit one another. That is, every society's values have helped mold a language to its needs over hundreds or even thousands of years.) [4, с. 28].

Культура же, по Эверетту, влияет не только на язык, но даже на генотип (в качестве одного из примеров автор приводит появление у кочевых народов пе-

— Глупец, — снисходительно говорит либеральный протестант. — Там не вполне верный перевод. На самом деле Черное море (*Red Sea*) надо переводить как «Море тростника» (*the Sea of Reeds*), и глубина там была по щиколотку.

— Понятно... — огорченно говорит фундаменталист. Либеральный протестант идет дальше, но тут же снова слышит за спиной:

— Слава Богу! Аллилуйя! Слава Богу! Аллилуйя!

Он подходит к фундаменталисту снова:

— Ну что на этот раз? Я же сказал тебе, что там глубина была по щиколотку!

— Я славлю Бога, потому что там глубина по щиколотку, а Господь фараона все равно утопил! [14, с. 59].

реносимости лактозы) и фенотип (телосложение индейцев пираха, не обусловленное генетикой: пираха отличаются большим генетическим разнообразием — главным образом, потому что у них часто случаются связи с представителями иных племен или бразильскими торговцами). Объясняя когнитивную и коммуникационную, автор посвящает значительную часть соответствующих глав семантике (прежде всего, природе знака по Пирсу и Соссюру; семантическим полям на примере терминов родства и цветообозначения или, в случае пираха, их отсутствию), теориям коммуникации (останавливаясь на К. Шенноне), фонетике и фонологии (рассматривая, в частности, фонетические варианты в мужской и женской речи на примере пираха и ряда других языков). В этом смысле его вторая книга больше похожа на учебник «Введение в языкознание» или «Общее языкознание», с поправкой на популярный стиль изложения и особенности цитирования⁶.

В своих взглядах он обнаруживает определенную близость к лингвокультурологии в нашем понимании; ср. следующую цитату:

Культуры прибавляют к форме знака индивидуальные функциональные измерения. Помимо слов, примерами являются шутки, стихи, повествования, фразеологизмы и т.д. В словах и предложениях мы встречаем два формообразующих параметра. Первый — общий принцип, проистекающий из самой природы коммуникации: увеличение объема информации (в контексте конкретной культуры) = увеличение длины языковой единицы. Но, с другой стороны, есть еще принцип, согласно которому «культура определяет языковую сложность», — иначе говоря, «то, что считается простым в одном языке, может считаться сложным в другом» (Cultures add their individual functional dimensions to form. In addition to words, other examples come from jokes, poems, stories, idiomatic expressions, and so on. We encounter two form-building parameters at work in words and sentences. The first is the general principle deriving from the very nature of communication, namely, that more information (in the context of a specific culture) = longer linguistic unit. But then we also have the principle that 'culture determines information complexity' or, to put it another way, 'what counts as simple in one language may count as complex in another.')

[14, p. 69–70].

Это высказывание перекликается с классификацией видов культурных компонентов языкового знака, предложенной В.Н. Телия: культурные семы (культурно-маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающего идиоэтнические реалии, в том числе безэквивалентную лексику); культурные концепты, ставшие итогом концептуализации культурно-значимых непредметных сущностей; культурный фон (маркированные ассоциации, не входящие в значение, но проявляющиеся в дискурсе); культурные коннотации (интерпретация языкового знака на основе ассоциаций с эталонами и стереотипами) [9, с. 14–15].

⁶ В своих научно-популярных работах Эверетт, как правило, дает крайне общие ссылки наподобие «в статье 2002 г., вышедшей в журнале *Nature*». В русском издании [12] эта особенность частично сохранена (подробные биографические ссылки оформлены как примечания редакторов).

В качестве культурно-обусловленных примеров Эверетт приводит пространственные предлоги: среди исследуемых им языков бассейна Амазонки в трех языках — пираха, банава, вари — для обозначения положения в пространстве используется всего один предлог. Положение в пространстве уточняется с помощью аффиксов (прежде всего, в пираха с его развитой глагольной морфологией: в этом языке, например, есть суффиксы со значениями 'движение сверху вниз', 'движение снизу вверх') или иных средств; функция предлога при этом — указать слушающему на то, что надо обратить внимание на глагол. В то же время в других языках, таких как нисгаа⁷, употребляются слова со значениями 'на горизонтальной поверхности' (ср. нем. *auf*), 'вогнутой стороной вниз', 'плотно прилегающий' (англ. *flat against*). Эверетт пишет:

То, что такие довольно сложные для человека, говорящего по-английски, понятия выражаются в этом языке одним словом, заставляет сделать два вывода. Во-первых, становится ясно, что значение и форма, которую оно принимает, частично обусловлены культурой: в английском языке такие понятия отдельными словами не обозначаются, и сами эти понятия не стали в нем базовыми. Во-вторых, культурой обусловлено и то, что можно рассматривать как «больше информации». Например, то, что по-английски выражается с помощью словосочетания, в языке нисгаа звучит как одно слово. Это интересно потому, что если носители языка решают кодировать подобные значения одним словом, то такой тип информации используется чаще, более распространен с культурной точки зрения и, соответственно, менее информативен, чем та же информация на английском языке (That such relatively complex concepts, from an English speaker's perspective at least, appear as simple words shows us a couple of things. First, it makes it clear that meaning and the form that it takes is partially cultural. We do not have individual words that mean these things in English. Our culture has not made such meanings basic. Second, what counts as 'more information' is also cultural. What is expressed as a phrase in English, for example, is a simple word in Nishga. This is interesting because the decision by Nishga speakers to encode these meanings into single words means that this type of information is more frequently used, more culturally common, and thus less informative than the same information would be in English.) [14, p. 70].

Точно так же культурно-обусловленным Эверетт называет принцип непосредственности восприятия/опыта (*immediacy of experience*) в пираха. В этом языке и появление объекта, и его исчезновение (любое изменение статической картины) обозначаются одним словом *xibiríio*.

Мы можем привести множество примеров тому в других языках — ср. безэквивалентное русское существительное *тоска* (например, в книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [6]) или неполную омонимию, а в диахронии — недавнее разделение ирландских предлогов *do* 'по направлению к' и *de* 'по направлению от' (например, *di* 'от нее; к ней'); энантиосемию устойчивых словосочетаний с компонентом *coinne* 'назначение': *i gcoinne₁* 'предназначенный', *i gcoinne₂* 'противоречащий; находящийся напротив; выступающий против' (букв. «в назначении»). Ср. также движение по кругу в пространстве (*deas* 'правый, красивый', *ó dheas* 'на юг', букв. «справа», *ó dheas*

⁷ Язык индейцев на западе Канады, относящийся к цимшианской языковой семье.

lámh soir 'на юго-восток', букв. «с правой руки назад», *soir* 'с запада на восток, сзади вперед' – *anoir* 'с востока на запад, спереди назад') и времени (*riamh* 'всегда; никогда в прошлом', *go deo* 'всегда; никогда в будущем').

По Эверетту, язык – это орудие культуры, которое одновременно само изменяет эту культуру [14, р. 123]. Интересно и то определение культуры, которое он дает. Автор сопоставляет две точки зрения: определение культуры, данное английским этнографом Э. Тайлором (культура в широком смысле как единое и сложное целое, содержащее в себе знания, верования, искусство, мораль, обычай и любые иные способности и привычки, приобретаемые человеком как членом общества), и определение, данное американским культурологом К. Гирцем (передаваемая из поколения в поколение модель значений, выраженных в форме символов; система унаследованных концепций в форме символов, посредством которых люди общаются, сохраняют и развивают знание о жизни и отношение к ней). Отчасти соглашаясь с тем и другим, Эверетт указывает на слабое место обеих точек зрения – приписываемую ценностям общества, знаниям и верованиям статичность. Очевидно, что сами они, как результат общественного договора, также меняются. Автор в своих работах приводит примеры из культуры южноамериканского народа маве: они со временем позабыли значение символов на культурном артефакте – священной палице «порантинг», на которой, по легенде, перечислены божественные предписания добра и зла. Кроме того, примером таких изменений в результате общественного договора является эволюция политкорректности и употребления гендерно-нейтральных местоимений типа *they*, *s/he* в английском языке.

Эверетт высказывает мысль о том, что речь и дискурс определяют выбор языковых средств и длину сообщения. Сама эта идея не нова: здесь можно вспомнить и постулаты Г. П. Грайса, и работы о стилистике, и сами определения речи по Э. Бенвенисту («язык, присваиваемый говорящим» [2, с. 300]), а также дискурса по Н. Д. Арутюновой («речь, погруженная в жизнь» [1, с. 135–136]) – однако в данном случае она подкрепляется обширными данными из известных автору языков и снабжается нетривиальными аналогиями. Приведем цитату:

В языке кинседжи, или суя⁸, каждый тип пения и речи сформирован его структурой – его предназначением в обществе кинседжи, местом его исполнения, аудиторией и исполнителем. Песни кинседжи не просто существуют для того, чтобы выполнять общественные функции: сама форма их ограничена выполняемыми функциями. Например, речь юноши перед церемонией инициации при достижении половой зрелости кратка: он не должен долгой речью или песней задерживать ритуал, который проходит сразу много мужчин.

Точно так же современная западная музыка сформирована своей функцией, по крайней мере, частично. Рок-н-ролл, блюз, джаз и все прочие жанры узнаются по форме и функциям. <...> Получается двенадцать тактов, поэтому еще говорят «двенадцатитактовый блюз». Всё просто. Но только не пытайся возиться с этой формулой. Попытаешься ее изменить – рискуешь испортить блюз!

⁸ Один из языков семьи же, на котором говорят около трехсот человек, проживающих в национальном парке Шингу, Бразилия.

(Each type of song and speech in Kisedje is shaped by its function – the purpose it serves in their society, its place of performance, and its audience and performer. Kisedje songs not only exist to fulfill social functions, but their very form is constrained by the functions they fulfill, such as the brevity of the young man’s speech before the puberty ceremony – he must not delay the ritual, which applies often to many men at once, by a prolonged speech or song.

Modern western music is likewise shaped at least in part by its function. Rock ‘n’ roll, blues, jazz, classical and all other genres are recognized by their forms and functions. <...> That makes twelve bars in all. Hence the phrase ‘twelve-bar blues.’ Simple. But don’t mess with the formula. Try to change it and you run the risk of ruining the blues, man.) [14, p. 23].

Как ни удивительно, Эверетт практически не употребляет термин «языковая картина мира», не упоминает имен братьев Гримм, К. Леви-Стросса или А. Вежбицкой (из работ XIX – начала XX века он цитирует преимущественно В. фон Гумбольдта и Л. С. Выготского). Несмотря на это, благодаря богатому эмпирическому материалу Эверетт, по сути, выражает и их точку зрения и постоянно пишет о языковой картине мира; в конце концов, хотя Ч. Огден и А. Ричардс в своей монографии «Значение значения» не употребляли слово «семантика», их работа не перестала быть посвященной семантике.

Вместо заключения. Д. Эверетта можно сравнить с Э. Бенвенистом: подобно этому ученому, Эверетт, не будучи явным приверженцем какой-либо научной школы, дает подробное описание идей и взглядов в современной лингвистике – пусть и не лишённое предвзятости (особенно в отношении генеративистов). Аналогия будет еще более очевидной, если вспомнить взгляды Бенвениста на исследования, находящиеся на стыке языка и культуры:

Углубляясь в природу языка, вскрывая его связи как с мышлением, так и с поведением человека и основами культуры, эти исследования начинают проливать свет на глубинное функционирование сознания в разнообразных мыслительных операциях. Смежные науки следуют за этими успехами лингвистики, в свою очередь содействуют им, используя лингвистические методы, а зачастую и лингвистическую терминологию. Все это позволяет предвидеть, что такие параллельные исследования породят новые дисциплины и будут способствовать развитию подлинной науки о культуре, которая заложит фундамент теории символической деятельности человека [2, с. 32].

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
3. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Избранные труды по русскому языку. М., 1959. С. 206 – 225.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
5. Зализняк Анна А. Языковая картина мира // Энциклопедия «Кругосвет». URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html (дата обращения: 14.03.2017).
6. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М., 2005.

7. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М., 2012.
8. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М., 2017.
9. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и языке : тез. докл. Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Минск, 1994.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
11. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие. М., 2009.
12. Эверетт Д.Л. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / сост. А.Д. Кошелев. М., 2016 (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
13. Everett D. Don't Sleep There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle. Vintage Departures, 2008.
14. Everett D. Language: The Cultural Tool. Profile Books, 2013.
15. Hauser M. D., Yang C., Berwick R. C. et al. The mystery of language evolution // Frontiers in Psychology. 2014. 7 May.
16. Humboldt H.W. von. Wilhelm von Humboldts Werke / A. Leitzmann (Hrsg.). Berlin, 1905. Bd. 4.

Об авторе

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Россия.

E-mail: nord.dronov@gmail.com

Для цитирования:

Дронов П.С. Дэниел Эверетт и лингвокультурология // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 3. С. 94–103. doi: 10.5922/2225-5346-2017-3-5.

DANIEL L. EVERETT AND CULTURAL LINGUISTICS

P. Dronov¹

¹ Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1 Bolshoy Kisloussky Ln, Moskow, 125009, Russia

Submitted on September 15, 2017

This paper deals with the views of Daniel L. Everett as exemplified in his major works Don't Sleep, There Are Snakes and Language: The Cultural Tool. The aim of this study is to analyse the connection of these works to various schools of thought and to examine the possible link with linguistic cultural studies. Everett's definitions of language and culture are contrasted with those of various schools in linguistics. It should be noted that Everett does not appear to use the term linguistic worldview. Yet, due to the rich empirical evidence found and set out in his books and papers, Everett effectively summarizes the views on the subject of worldview. Everett's standpoint does not show significant differences from those of Anna Wierzbicka, or Veronika N. Teliya. At the end of this article, Everett is compared to Émile Benveniste, who – while not belonging explicitly to any school of thought – gave an exhaustive description of concepts and ideas found in contemporary linguistics.

Key words: Daniel L. Everett, linguistic cultural studies, linguistic worldview, language as a cultural tool.

References

1. Arutyunova, N.D., 1990. Discourse. In: V.N. Yartsev, ed. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow.
2. Benvenist, E., 1974. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow.
3. Vinokur, G.O., 1959. On the objectives of the history of language. In: Vinokur, G.O. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, pp. 206–225.
4. Gerder, I.G., 1977. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of the history of mankind]. Moscow.
5. Zaliznyak, A.A. *Yazykovaya kartina mira* [Language picture of the world]. Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html [Accessed 13 April 2017].
6. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D., 2005. *Klyucheveye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow.
7. Kovshova, M.L., 2012. *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguistic-cultural method in phraseology: Codes of culture]. Moscow.
8. Kovshova, M.L., Gudkov, D.B., 2017. *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of linguistic-cultural terms]. Moscow.
9. Teliya, V.N., 1994. Nominativs composition of language as a subject of linguoculturology. In: *Natsional'no-kul'turnyi komponent v tekste i yazyke* [National-cultural component in the text and language]. Minsk. Part 1.
10. Teliya, V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow.
11. Khrolenko, A.T., 2009. *Osnovy lingvokul'turologii* [Basics of linguoculturology]. Moscow.
12. Everett, D.L., 2016. *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei* [Don't Sleep – There are snakes! Life and language in the Amazonian jungle]. Moscow.
13. Everett, D., 2008. *Don't Sleep There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle*. Vintage Departures.
14. Everett, D., 2013. *Language: The Cultural Tool*. Profile Books.
15. Hauser, M.D., Yang, C., Berwick, R.C. et al., 2014. The mystery of language evolution. *Frontiers in Psychology*, 07 May.
16. Humboldt, H.W. von., 1905. *Wilhelm von Humboldts Werke. Bd. 4.* / ed. by A. Leitzmann. Berlin.

The author

Dr Pavel S. Dronov, Research Fellow, the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: nord.dronov@gmail.com

To cite this article:

Dronov S. 2017, Daniel Everett and Cultural Linguistics, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 3, p. 94 – 103. doi: 10.5922/2225-5346-2017-3-5.